А. Садулаев «Зелимхан» (драма)

Примечание. Драматическая поэма А. Садулаева «Зелимхан» малоизвестна широкой публике, т. к. ранее нигде не публиковалась. Случайно обнаружена в архиве Э. Зелимхановой - дочери абрека Зелимхана Харачоевского.

В зале гаснет свет. По динамику на весь зал раздается голос.

Голос:
«Товарищи чеченцы! В старое время царские генералы принесли чеченскому народу порабощение и цепи, и чеченский народ с неподражаемой - храбростью защищал свою свободу от цепей царской власти». (Георгий Чичерин дипломат)

На просцениуме автор в горском костюме.

Автор:
Мы чеченцы. Много-много раз
Головы слетали с наших плеч,
Если призывал нас наш Кавказ
За него нам в землю лечь.
Падали мы звездами в траву,
Прорастали травами во рву.
Дни тянулись длинно, как века,
Как века, спрессованные в дни.
И катили солнце на закат,
Наше солнце на закат - они.
С Севера и Юга, как могли,
Полчищами шли на нас враги.
Падали мы в землю без могил
И кричали Богу: «Помоги...».
И кричали Богу: «Коль ты есть,
Помоги спасти не жизнь, но честь.
Помоги, ведь ты всесилен, Бог».
И тогда чеченцам Бог помог.
Мы тогда ушли под облака.
Коротка там у врагов рука,
И ущелья каменные сжав,
От врагов, друзей, царей, держав,
От войны, бесчестья и от горя
Нас на время скрыли наши горы.
И мы клялись тогда, Чечня, тебе:
Пусть разорвется сердце, но в борьбе,
И мертвыми тобою будем жить,
В горах твоих, в степях твоих кружить,
Чтоб ты не пала звездами в траву,
Полынью горькой не росла во рву.

Открывается занавес. Горная панорама, широкая долина, серпантином уходит в облака дорога, внизу раскинулся аул, имеющий очертания Харачоя. Освещение раннего утра. К автору подходят

еще несколько горцев, поют. Мелодия высокая, торжественная, вторые голоса вторят низко, как в старинных чеченских песнях - ИЛЛИ, мелодия исполняется на дечиг-пондуре 1.

(**примеч.** Дечиг - пондур чеченский национальный музыкальный инструмент)

Поют:
- Помнят горы старинные были свои,
Помнят люди героев - героев Чечни.
Зелимхан Харачойский,
Мы помним твой яростный бой.
Зелимхан Харачойский,
Бессмертным стал твой Харачой.

Поющие незаметно уходят. А последние низкие звуки песни «А-а-а-а» еще звучат. Мелодия обрывается.

Склон горы, обработанный участок с молодыми всходами кукурузы. Зелимхан в белой рубашке, с кусочком тряпки на голове, защищающем от солнца, занимается прополкой. Он поет, работая.

Зелимхан:
- Если день мой с солнцем начат,
То счастливым будет вечер.
Хлебороб я — это значит
Труд мой нужен, труд мой вечен.
Эй, Земля, прошу я очень,
Больше хлеба мне роди.
Впереди желтеет осень,
Песни, свадьбы впереди...

Останавливается, вытирает пот рукой.

Уф-ф, как жарко мне!
Мир налит по края горячим солнцем.
Мне до обеда надо бы успеть...

Вдали слышна песня. Зелимхан прислушивается, удивляется:

- Ты посмотри, и кто так звонко.
Здесь, в Харачое нашем, может петь?
Ага, сейчас он выйдет из-за скал.

Слышен крик. Зелимхан:

Эгей, я здесь. Кто там меня зовет?

Гедал:
- Да это я, сосед Гедал.
Кто здесь тебя еще найдет.
Ты разве не признал меня?

Зелимхан:
- Признал, признал.
Так в чем же дело? Говори, Гедал.

Гедал:
- Тебе, скажу, везет.
Иди в аул, сосед,
Там радость тебя ждет,
Как солнца свет.

Зелимхан (улыбаясь):
- Какая радость, что молчишь?

Гедал (тоже лукаво улыбаясь):
- Награды стоит весть.
Чем, друг мой, наградишь?

Зелимхан (серьезно):
- Всем тем, что в сакле моей бедной есть.

Гедал:
- Ну-ну, сосед, я просто пошутил,
И мне совсем награда не нужна.
А новость вот тебе - твоя жена
Такого вот мужчину родила!

Зелимхан (восхищенно):
- Дай обниму тебя, сосед Гедал,
За эту новость ничего не жаль!
Вот это да!

Воткнув мотыгу торчком. Зелимхан пускается в пляс вокруг нее.
Гедал стоит рядом смеется, хлопает в ладоши.

Зелимхан:
- Я твой должник, сосед, за новость, и такую,
Готов я в пляске земли исходить.
Так счастлив я, так я, мой друг, ликую.

Гедал:
- Ну, а теперь пора мне уходить.
Паши, да вспоминай соседа,
Что так найти тебя старался.
Уж время близится к обеду,
А я к земле и не прикасался.

Гедал скрывается за скалой. Зелимхан продолжает работу, напевая утреннюю песню:

- Если день мой с солнцем начат,
Значит, добрым будет вечер.
Хлебороб я...

Внезапно из-за скалы появляется человек. Внешний вид его говорит о богатстве, жадности и тщеславии.

Сугаид:
- Пусть будет твой удачен труд.

Зелимхан:
- Благодарю я, Сугаид.
Пусть и тебя удачи ждут.
Аллах тебя пусть наградит.

Сугаид (недовольно):
- Аллах, Аллах... Скажи мне лучше,
Когда вернешь за землю долг?

Зелимхан:
- Но здесь совсем не этот случай,
Тут что-то не возьму я в толк.
Ведь долг за прошлый год я осенью отдал.

Сугаид:
- Отдал?
Да вот не все отдал, что брал.
Ты должен мне еще зерна.
Ты столько должен мне... не счесть.

(Лезет в карман за бумажкой).

все записано сполна. Бумага помнит...

Зелимхан:
- Все ль, как есть?
Но бедняку с богатым спорить –
Водой кувшин дырявый наполнять,
Он все равно не будет полным.
Ну все же, Сугаид, могу тебя понять.
Согласен я и это уплатить.
Богатый нынче урожай родит земля.

Сугаид:
- До осени повременить?
Нет, не согласен я.
И если ты свой долг мне не уплатишь,
Я буйволов на поле загоню

И потравлю твои посевы.
Кровавыми слезами ты
За гордость непомерную свою...

Зелимхан:
- Побойся Бога...
Да людей хотя бы постыдись!

Сугаид:
- Ты нищий, не тебе меня стыдить.
И род у вас такой - спесивый, как пред равными.
А чем гордитесь вы - штанами рваными?

(Показывает на заплаты на одежде Зелимхана)
Нет, заплати мне долг, иначе берегись.
Иначе... страшной будет твоя жизнь.

Зелимхан (надвигаясь на Сугаида):
- А знаешь, что ты только не грози.
Тебе меня угрозой не сразить.
Пускай до неба у тебя рога.
Меня, сосед, тебе не испугать.

Сугаид: - Ну, погоди! Узнаешь месть мою и силу.

Зелимхан (опечаленно возвращаясь на свой участок):
- Какая все ж его собака нынче укусила? И что за мир?
Работаешь, как вол,
На поле от зари и до зари,
А осенью - опять и бос, и гол.
Все отобрали эти упыри.
Одних мозолей полные ладони
- И это все, что наше в нашей доле,
Зато вот эти, эти Сугаиды,
За год и палец пальцем не ударят,
У них земля, стада, у нас - обиды,
Пока они округой этой правят...

Так какая же его собака укусила?
Мне помнится, как Нана говорила,
Что Зезаг хочет род его отнять.
Как будто Сугаид на вас сердит,
И ждать не будет, долга не простит,
За то, что Зезаг им не уступили,
Когда недавно брата поженили.
Ну что ж, пускай себе грозит.
Я не боюсь его...
И не прощу обид.

Снова начинает работать. Издали доносится тревожный голос девочки:
- Отец!..

Зелимхан:
- Я слышу голос дочери своей.
Как он похож на крик беды!

Дочь:
- Отец! Отец! Где ты?
Ответь скорей! Отец! Отец!
Скорей в аул иди.
Нависли два крыла беды глухой.

Зелимхан:
- Что там такое, дочь?
Не плачь. Нам боль знакома.
Не бойся, зло мы победим с тобой.

Дочь:
- Там староста аула Сугаид
К нам в дом пришел,
Да с приставом самим.
И все забрал за долг, он говорит,
Что будто мы никак не отдадим.
Забрал корову, деньги и зерно
И говорит, что мало все равно.

Зелимхан:
- Пускай подавится, шайтан, проклятый...
А что там за крыло второе у беды?

Дочь:
- Сын старосты, наш враг заклятый
С друзьями...

Зелимхан: - Что нужно было людям Сугаида?

Дочь:
- Он оскорбил при всех Солтамурада
И отобрал у нас Зезаг,
Потом увез ее, хоть и не рада,
Она сопротивлялась и рвалась назад.

Зелимхан:
- Ах, подлец! Змея и сын змеи, презренный Сугаид.
Вот она - месть, которой ты посмел грозить.
Ну, погоди... Я сам тебя найду.

(Дочери)
- Иди назад в аул, скажи - сейчас приду.

Девочка уходит, Зелимхан мечется по участку.

Зелимхан:
- Богатство бедняка – его жена,
Но Сугаид, наверное, решил,
Что бедняку не надобна она,
Чтобы бедняк и здесь ограблен был.
Он думает, что вечно будет так –
Одним лишь молоко, другим - лишь кровь.
Но жизнь мужчине для борьбы дана
За землю, за семью и за любовь.
Мы не рабы, чтоб жизнь влачить воловью.
Богатство бедняка - его жена.
За оскорбление они ответят кровью,
Ведь кровь, как слезы, тоже солона.

Быстро одевается и уходит. Аул, площадь... Многолюдно. В центре старики. Зелимхан, окруженный группой людей, одетых попроще, с одной стороны. Сугаид, окруженный группой людей, одетых побогаче, - с другой. Старики негромко переговариваются:

1-й старик:
- Как разгорелся этот страшный спор...
Послушай-ка, сосед, с тех давних пор
Как я родился в этот мир огромный,
Подобного я что-то не припомню.

2-й старик:
- Ну, значит, ослабела твоя память.
Ты вспомни, сорок лет тому назад
Совершено такое ж было зло.
И ненависти голубое пламя,
Открыв для глаз тропу крутую в ад,
Тогда так много жизней унесло.

1-й старик:
- Да-да, я помню... Сорок лет назад...
Да, вижу я, не ослабел мой взгляд.
Да, слышу вновь, как в битве пули пели,
Как насмерть раненые там хрипели.

3-й старик:
- Да, вижу я совсем, как наяву,
Сошлись два рода в той кровавой битве,
И старики, и молодые никли...
Прощаясь с жизнью, падали в траву,
Забыв о милосердье и молитве.

1-й старик:
- Два рода бились – оба и погибли.

Шум усиливается, крики, возгласы:

1-й голос:
- Начнем!

2-й голос:
- Начнем же что ли!

Выступает вперед один из стариков. Шум смолкает.

Старик:
- Начнем наш суд.

Пусть скажет пострадавший.

Зелимхан:
- Не надо жалоб. Сердце рвет от боли
Живой, сегодняшней, а не вчерашней.
Не надо жалоб, ждать душа устала.
Пусть спор решат горячие кинжалы.

Общее молчание в ответ,

Зелимхан обращается к старикам:
- Но, если вы хотите, я готов.
Вы знаете меня и Сугаида...
Вот дом его, а вот мой отчий кров.
Он рядом жил, и тем больней обида.
Соседями мы были до сих пор.
Но оказалось, что сосед мой вор.
Я мирно жить хотел.
Но в этом мире есть
Завещанная от отцов
Такая вещь, как честь.
Я мирно жить хотел...
Но честь есть честь.
Как много у нее врагов -
Не счесть.
Пусть будет проклят дом,
В котором нет любви,
Пусть будет проклят дом,
В котором нет огня,
Пусть будет путь к нему
В несчастьях и крови.
И этот путь, и дом,

Не дай Бог для меня.
Пусть будет проклят дом,
Пропитанный изменой.
Я знаю, ты простишь меня, моя Бици,
Расти детей. Я буду неизменно
Таким, как были деды и отцы.

(Сугаиду)
- Ты думаешь, что, отобрав сноху,
Вы отобрали Зелимхана честь.
Вы отобрали поле и соху.
Но знайте, у меня винтовка есть.
Вовек не принесу бесчестия я роду.
Ну, а теперь начну платить по счету.
Так вот, сосед, ко мне придя во двор,
Сказать по чести, ты пришел, как вор.
Но знаешь сам - чеченцы вора бьют.
Уйди же прочь, тебе нет места тут.

На просцениуме

Зелимхан:
- Что плачешь ты? Кто так тебя обидел?

Казак:
- На бричке ехал я и никого не видел.
Но появился вдруг разбойник Зелимхан.
Он все отнял, знать позабыл Коран.
Он отобрал моих волов. Как жить?
Ну что я? Вот сейчас домой приду...
Чем мне детей кормить?
Как отвести беду?

Зелимхан:
- Как? Зелимхан? Куда поехал он?

Казак:
- Сюда.

Зелимхан:
- Поехали!
Какой-то страшный сон.

Подсаживает казака. Догоняет телегу, волов, ссаживает казака.

Зелимхан:
- Эй, ты! Остановись! Откуда ты и кто ты? Назовись!

Чеченец:

- Я - Зелимхан. Не стой мне на дороге.

Зелимхан:
- Ты Зелимхан? Ты Зелимхан? О, Боги! А чьи волы?

Чеченец:
- Тебе какое дело? Я взял. Я буду отвечать.

Зелимхан (выдергивает винтовку):
- Пока ты говоришь так смело.
Но будешь ты еще кричать.
А ну-ка стой! Казак, иди сюда.
Бери телегу и волов, иди домой.
Над ним же грозно встала тень суда.
Иди, а он за все отдаст сполна.
И помни, друг, кому лишь кровь,
Кому лишь молоко.
Жить бедняку, как прежде, Нелегко.
А ну-ка, побыстрей вперед.

(Полосует чеченца бичом).

Кровь солона, да ты не знал того.
Пускай теперь узнает твой проклятый род,
Пускай узнает все и твой презренный тейп,
И кто здесь Зелимхан,
И кто здесь шейт 1.
(п**римеч:** 1 Шейт (шайтIа) (чеч.) - черт, дьявол.)

Вход в село.

Зелимхан

- Эй, люди! Что вы здесь заспались?
Или Шали десятый видит сон?
Вы что же безотцовщиной остались?
Откуда взялся этот Зелимхан? Чей он?

Голос из толпы:
- Какой он Зелимхан? Он вор.
А ты кто?

Зелимхан:
- Зелимхан. С тех пор, как мой отец
Мне имя дал,
Я - Зелимхан.
Никем другим не стал.

Голос из толпы:

- Что сделал наш односельчанин?
Мы знаем, он позорно может поступить.
И все же?

Зелимхан:
- Он ограбил. Он ограбил.
Соседа вашего решил он от добра освободить,
От брички, от волов избавил в мгле тумана.
И именем назвался Зелимхана.
А я привел. Привел его сюда.
За кражу имени
Я сам его ударил,
А за разбой
Для вашего суда
В аул сегодня
Я его доставил.
Решайте сами, как вам с вором быть,
Чтобы его позора не носить.

Железнодорожная насыпь. Стоит пыхтящий поезд. Зелимхан выводит шестнадцать заложников-офицеров.

Зелимхан (старшему по званию):
- За что вы посадили нас в тюрьму?
За то, что, чтя законы наших гор,
Своим врагам мы отомстить сумели?
Скажи, за что, я что-то не пойму,
Шестнадцать человек расстреляно с тех пор,
Как к правосудью мы взывать посмели?

Офицер:
- Нет, Зелимхан, ты - вор,
Нет, Зелимхан, все это вздор.

Зелимхан:
- Шестнадцать было их,
Шестнадцать будет вас.
А остальные пусть другим расскажут,
Как дорого вам стоит тот байрам,
Как вас сегодня наш Аллах накажет.
Заложниками стали наши братья.
Но поклялись мы отомстить их смерть,
Чтоб не смогли вы снова надругаться,
Сегодня мы свою свершаем месть!
...Я поезд здесь остановил.
Там, в Грозном, вы шестнадцать нас убили.
А мы ведь не мешали вам, мы жили.
Шестнадцать сыновей не ты ль осиротил?

(К офицеру)
- Ты - офицер, зачем ты к нам пришел?
Зачем? Вернулся бы к себе в Россию.
Коль смерть искал – так ты ее нашел.
И знай, возмездье - грозная стихия!

За Зелимханом встают горцы. Залп.

Зелимхан и группа чеченцев на конях. Берег Терека.

Зелимхан:
- Гей, Махмуды!
Духом что ль ослабли
Или сердцем о ребро споткнулись?
Там, за Тереком казачьи сабли
Ласкою змеиной изогнулись.
Гей, Махмуды!..
Что же, бросим в Терек мы коней.
И поможет в деле нам Аллах.
Что будет там? Там будет все видней.
На этом берегу оставим страх.
Ты помоги нам, ночь, и степь нам помоги,
Полынь, кусты, деревья и овраг...
Мы дрались долго, дрались как могли.
Пока что нас осилил рыжий враг.

И вон он, вон - загаженный Кизляр.
Сквозь перья рас-ку-дав-тав-ших-ся куриц
Скачи, мой конь и неустан и яр,
Вонзайся в щели этих узких улиц.
И вот он, банк! Борха, к дверям!
А ты, Чинхо, бери мешок, вперед!
Надеюсь, завтра людям я раздам
Все, что для них банк этот уберег!

Трогает коней.

Горный ландшафт. Старик-пастух и Зелимхан, измученный, оборванный.

Зелимхан:
- Ассалам алейкум!

Пастух:
- Ва алейкум ассалам!
Ну, проходи, Чеченский Зелимхан!
Смотри, закат - пожар вселенский...
Народ тебе такое имя дал.
Ты имя заслужил - Чеченский.
Ты знаешь, что ты на хребте,

За ним глубокие долины.
Ты, друг, там жил, когда ты был в беде.
Там, за хребтом, уже тушины.
Ты знаешь, там стоят войска,
Тебе не надо объяснять,
Что будет злая их рука
Тебя давить и убивать.

Зелимхан:
- Старик, решил я в Турцию уйти.
Семья? Жена? Не тронут их.
Закончены мои пути.
Нет у меня уже других.

Пастух:
- Ну что ж, иди... Но я не ждал такого,
Ты знаешь, у чеченцев говорят,
А у народа памятное слово,
Коль в бой пошел, так не смотри назад.
Не ввязывайся в бой, коль не уверен,
Коль до конца бороться не намерен.
Коль не умеешь биться и стрелять,
Иди и к туркам, и к тушинам,
С собой свободу, знай, не взять.
Свобода - здесь оставшимся мужчинам.
Тебе - тропа! Свобода - нам!
Пусть сны о Родине тебя тревожат по ночам.

Зелимхан:
- Ты пристыдил меня, старик.
Вновь слышу я родной родник
И вижу темноту ущелий,
Где стынет страшных скал оскал.
Где путь свой горя и лишений
Навеки я себе избрал.
Я лишь устал. Но я не трус.
Навек с Чечней я остаюсь.

Горная поляна. Пень, на котором сидит Зелимхан. Пишет.

Зелимхан:
- Царь, ты сказал, что мне пора сидеть,
Но ты ведь знаешь, я уже сидел.
Уже я стар. Уж начал я седеть.
В боях с тобой уже я поседел.

(Задумывается)
Считать погибших там, за гранью боли?
Да ведь сейчас нельзя их даже счесть,

Их было миллион... А, может, боле?!
Погибших, не теряя честь.
По всем приметам скоро я умру,
Как волк печальный, но в своем лесу.
Убитый ночью или поутру,
Я жизнь от пуль врагов не унесу.

Свертывает бумагу, встает, тихо напевая первую строку народной песни «Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой...», уходит.

На просцениуме группа певцов в горских костюмах. Звучит дечиг-пондур. Мужские голоса поют народную песню:

- Ты, горячая пуля, смерть носишь собой,
Но не ты ли была моей верной рабой?
Земля черная, ты ли покроешь меня,
Не тебя ли топтал я ногами коня?
Холодна ты, о смерть, даже смерть храбреца,
Но я был властелином твоим до конца.
(Пер. А. Фета)

Раннее осеннее утро, поле, копны, вдали полоска гор. Скрываясь за копнами, движется человек. Он ранен, опирается на приклад. Это Зелимхан. Слышны крики преследователей:

1-й голос:
- Сдавайся, Зелимхан, ты не орел, Тебя не скроют даже облака.

Зелимхан:
- Пусть не орел, но смерть твоя
Еще в моих руках пока.

2-й голос:
- Сдавайся, Зелимхан, не волк ты,
Не сможешь лесом ускакать.

Зелимхан:
- Пускай не волк я, но сегодня
Моя не будет кликать мать.
Снова стреляет. Крики преследователей замолкают. Зелимхан приваливается к копне спиной. Говорит вслух.

Зелимхан:
- Все кончено. Вещает сердце, кончено,
Недолго ждать мне, видно, до конца.
Я слышу смерть.
Костлявых пальцев кончики
Уже коснулись моего лица.
Во сколько ж раз небытие длинней

Кусочка жизни, что судьбой нам дан?
Но ты уже прожил ее. И с ней
Давай покончим счеты, Зелимхан!

Эй, люди! Эй, друзья!
Кого зову - друзей, врагов - зачем?
Друзья остались там, в ущельях узких,
Друзья остались там, в степях бескрайних.
А эти камни что, сияют тускло,
Уж не сердца ли их — вот эти камни?
А здесь враги. Молчат, лежат за копнами,
Слетелось воронье брать с мертвых дань,
Как будто бы уже убит, закопан.
Закопан в землю мертвый Зелимхан.
... Но я клянусь тебе, моя Чечня,
Пусть даже сердце вынут у меня,
И мертвым я тобою буду жить,
В горах твоих, в степях твоих кружить,
Чтоб ты не пала звездами в траву,
Полынью горькой не росла во рву.
Так, где ж ты, Смерть,
Я жду тебя, я жду.

На сцене рядом с Зелимханом появляется фигура Смерти.

Зелимхан, схватив ружье:
- Кто ты?

Смерть:
- Я - смерть твоя.
Ты звал меня - я Смерть.
Сегодня будут по тебе рыдать.
А ты попробуй только лишь посметь
Мне моего сегодня не отдать.
Ты видишь всюду – и там, и тут
Стволы ружей в руках людей скользят.
Куда ты повернешь - зрачки тех дул
Тебе грозят, тебе, тебе грозят.
Ты не уйдешь, ведь то зрачки мои.
Нацелен каждый в место, где душа.
Но, если хочешь, богу помолись
И к смерти приготовься не спеша.
Зелимхан:
- Где ж твоя воля, храбрый Зелимхан?
Она осталась где-то за плечами,
Где волки воют темными ночами,
Она в извивах троп,
Что я прошел,
Она в качанье веток,

Мной в пути задетых.
Смотри, смотри - там я,
Там молодость далекая моя,
Там начиналась песнь моей борьбы,
Там страшный поворот моей судьбы.

Смерть:
- Там жизнь твоя, бесстрашный Зелимхан?

Зелимхан:
- Она осталась в темноте ущелий,
Где стынет страшных скал оскал, ощерясь,
Где гром обвалов глушит волчий вой,
Где снег, как смерть, над бедной головой.
Она - родник, что я когда-то пил,
И песня та, которую я пел.
И на ее тропинках желтых пыль
И вздох, когда я раненый хрипел.

Смерть:
- Все правильно, но я скажу на это,
Тебе не жаль извивов горных троп,
Тебе не жаль качанья росных веток,
Тебе не жаль не питых родников
И песен, что еще тобой не спеты,
Тебе не жалко жизни, и не петь
Тебе тех песен больше никогда,
И над могилой ветер шелестеть
Полынью горькой будет лишь года.

Зелимхан:
Ты смеешься, Смерть,
Мне жалко жизнь.
Да и какой храбрец
Не хочет в мире этом светлом жить?
Но час придет, и вдруг понятным станет:
Ты должен умереть, чтоб дальше жили,
Чтоб дальше жили твои дети в мире
И пили б жизнь - сладчайший из даров,
И пили б жизнь - горчайший из даров.

(Помолчав)
Ты думаешь, что я хотел стрелять?
Ты думаешь, я убивать хотел?
Да я бы был согласен нищим стать
Весь лень холить и собирать куски,
И вечером сидеть в кругу семьи. …
Но в мире есть такая вещь, как честь.
Как много у нее врагов – не счесть!

(Повторяет, как в бреду)
Ты думаешь, что я хотел стрелять?
Нет, не хотел. Я знал, как пахнет пашня...
А осенью любил я тяжесть груза
Тяжелой желтой спелой кукурузы...

(Собирается с силами. Голос крепнет)
И я клянусь сейчас, моя Чечня,
Пусть даже вырвут сердце у меня, И мертвым я тобою буду жить,
В горах твоих, в степях твоих кружить,
Чтоб ты не пала звездами в траву.
Полынью горькой не росла во рву.

(Смерти)
- Ну, а теперь ты, старая, уйди,
Не заслоняй моих врагов собою,
Не стой у жизни больше на пути...
Я - Зелимхан, уйди, готов я к бою!

Стреляет. В ответ гремит залп из-за копен, который высвечивает ярким голубым пламенем фигуру Зелимхана с поднятой вверх винтовкой. Зелимхан высвечен как памятник мужеству и гордости.